

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ

ЗНАЧИМОСТЬ ИДЕЙ Л.С. ВЫГОТСКОГО И А.Р. ЛУРИИ
ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЙ КОГНИТИВНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Н.С. РОЗОВ

*Институт философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск
Новосибирский государственный университет*

На новом витке исследований происхождения языка и сознания растет интерес к идеям культурно-исторического подхода Л.С. Выготского и А.Р. Лурии, касающихся роли социального взаимодействия и процессов интериоризации в развитии психических структур и способностей, изначального разделения знакового общения и практического мышления, этапов формирования понятия в онтогенезе. В статье показана возможность соединения культурно-исторического подхода с концепциями интерактивных ритуалов (Э. Гофман, Р. Коллинз), оперантного обусловливания (Э. Торндайк, Б. Скиннер), социологии и психологии и установок (У. Томас, Ф. Знанецкий, Л. Ланге, Дм. Узнадзе). Модели обновления техноприродных и социальных ниш (К. Лаланд и др.), коэволюции коммуникативных забот и знаковых структур, объединенные с расширенным культурно-историческим подходом, используются для теоретической реконструкции и объяснения ранних этапов социальной и когнитивной эволюции гоминид. Сама по себе орудийная деятельность не была достаточной для появления и развития речи, а ее влияние было опосредовано социальными отношениями. Искусное и трудоемкое изготовление сложных ценных орудий уже предполагало нормы принадлежности, планирование и координацию действий по добыче сырья, необходимость социального обучения мастерству, а значит преодоление «языкового Рубикона». В ответ на заботы выживания и в результате жесткого отбора в группах гоминид появились эгалитарные коалиции, совместная интенциональность, нормативные ритуалы и правила поведения, моральные установки, чувства стыда и гордости. Показано, как и почему эти факторы позволили гоминидам преодолеть «языковой Рубикон» – перейти от знаковой системы животных к членораздельной речи. Наполнив произнесение холофраз синкретичным ситуационным смыслом в нормативных ритуалах, гоминиды, движимые новыми заботами общения, стали все более точно различать слоги и звуки, что дало возможность умножения протослов. Так была запущена коэволюция коммуникативных забот и знаковых структур. Перечислены самые ранние способности сознания, которые закономерно формировались в неразрывной связи с первыми ступенями развития речи.

Ключевые слова: Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, культурно-исторический подход, интериоризация, происхождение языка, палеопсихология, интерактивный ритуал, нормативный ритуал, социальные взаимодействия, коммуникативные заботы, знаковые структуры, протослова, холофразы, «языковой Рубикон».

В бурно развивающейся области исследований когнитивной эволюции, происхождения характерных для *Homo sapiens* социальных порядков, языка и сознания отечественные и зарубежные исследователи обращаются к идейному наследию Л.С. Выготского и А.Р. Лурии (Барулин, 2007; Dor, Jablonka, 2014; Томаселло, 2011; Tomasello, 2019). Такой интерес не случаен, поскольку в своих

классических работах («Этюды по истории поведения. Обезьяна, примитив, ребенок», 4-я глава «Мышления и речи») авторы культурно-исторического подхода¹

¹ Далее будем говорить о культурно-историческом подходе как совокупности взаимосвязанных эвристических идей, а не о теории, предполагающей аксиоматику, дедуктивную связь положений с требованиями проверяемости, воспроизводимости следствий и т.п.

уделяли значительное внимание не только общим проблемам психического развития, но также когнитивным способностям человекообразных обезьян (далее — антропоидов), их сравнению со способностями ребенка и взрослого человека.

Суть подхода с кристальной ясностью изложил А.Р. Лурия: «Для того, чтобы объяснить сложнейшие формы сознательной жизни человека, необходимо выйти за пределы организма, искать источники этой сознательной деятельности и «категориального» поведения не в глубинах мозга и не в глубинах духа, а во внешних условиях жизни, и в первую очередь во внешних условиях общественной жизни, в социально-исторических формах существования человека» (Лурия, 1979, с. 23).

Соответственно, для применения этих потенциально богатых идей к задачам палеопсихологии: реконструкции, объяснению происхождения межсубъектных отношений, человеческой психики, языка и сознания в антропогенезе — они могут и должны быть обогащены² путем совмещения с наиболее конструктивными и перспективными концептами социальных и биологических наук. Само психологическое знание выигрывает благодаря интеграции с широким кругом изучающих эволюцию дисциплин³.

В абстрактных понятиях соединять можно почти что угодно с чем угодно. Продуктивность синтеза концептов зависит от того, насколько выдерживается ориентир на «заполнение пустот». В данном случае посредством синтеза следует проложить путь от изначальной идейной конструкции

² «Мосты между различными историями эволюции — историей неопределенности, историей разнообразия, историями поведений — до сих пор не построены в науках об эволюции» (Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2017, с. 7).

³ Расширение подхода в сходном направлении начал Майкл Томаселло в своем стремлении создать модернизированную «невыготскианскую теорию» (Tomassello, 2019, p. 304).

(подхода Выготского—Лурии) к большой научной цели: реконструкции и объяснению происхождения языка и сознания в антропогенезе. Вехами на этом пути являются следующие вопросы.

- Какие психологические понятия лучше всего подходят для описания результатов интериоризации социальных и знаковых структур, соответствующих склонностей, способностей, характеристик внешнего поведения и внутренних процессов?

- Если некие начальные элементы членораздельной и осмысленной речи гоминид появились вследствие интериоризации («вращивания»), то благодаря какому типу социальных взаимодействий это произошло?

- Почему одни внешние социальные структуры интериоризируются, а другие — нет?

- Как и почему стала обеспечиваться известная стандартизация знаков и значений?

- Насколько оправдано ставшее привычным выведение характеристик человеческих психики и поведения (в том числе речевого) «из труда» — развития орудийной деятельности?

- Что мотивировало наших далеких предков на явно непривычный и тяжелый для них труд проговаривания, распознавания, запоминания умножавшихся знаков, значений, языковых конструкций, тем более, на изобретение новых?

- Какие общие понятия адекватны для описания трансляции опыта в поколениях, для объяснения успехов и провалов в преемственности и накоплении?

- Как концептуализировать сознание для понимания его происхождения и эволюции и каковы были первые способности сознания?

ИНТЕРИОРИЗАЦИЯ И ЭФФЕКТЫ ИНТЕРАКТИВНЫХ РИТУАЛОВ

Теоретическим ядром подхода Выготского—Лурии является понятие «интерио-

ризация», или «вращивание», в результате которого каждая психическая функция сперва проявляется как социальное взаимодействие, а затем как внутренняя способность. «Всякая высшая психическая функция, — писал Выготский, — необходимо проходит через внешнюю стадию развития, потому что функция является первоначально социальной. Это — центр всей проблемы внутреннего и внешнего поведения. <... > Всякая высшая психическая функция была внешней потому, что она была социальной раньше, чем стала внутренней, собственно психической, функцией, она была прежде социальным отношением двух людей. Средство воздействия на себя первоначально есть средство воздействия на других или средство воздействия других на личность» (Выготский, 1983. С. 144–145).

Отнюдь не случайным является структурное соответствие этих процессов с воздействием интерактивных ритуалов на поведение и психику участников. *Интерактивный ритуал* — это взаимодействие двух и более индивидов в ситуации «здесь и сейчас» с общим фокусом внимания, автоматическими реакциями каждого на проявления окружающих, синхронизированными действиями и психофизиологическими ритмами, общим эмоциональным возбуждением той или иной модальности, причем полноценные, успешные ритуалы приводят к формированию, укреплению социальных отношений (солидарности с соратниками, преклонению перед вождями, авторитетами, отчуждению по отношению к отвергнутым), а также чувств, убеждений относительно сакральных предметов, лиц или идей (святых, ценностей) (Коллинз, 2002, гл. 1; Collins, 2004; Розов, 2010; Розов, 2022, с. 62–64). Далее для простоты будем понимать «ритуал» именно в этом широком социально-психологическом (и микросоциологическом) смысле.

Р. Коллинз выделяет ритуалы первого порядка как собственно взаимодействие,

событие, например, торжественное собрание, яркую политическую речь, решающий футбольный матч, впечатляющее театральное представление, проникновенную религиозную проповедь. Ритуал второго порядка представляет собой последующие эмоционально нагруженные обсуждения этого события. Наконец, ритуал третьего порядка — это переживание каждым человеком изначального события и последующих обсуждений «внутри себя», в том числе проигрывание сцен и картин, порождение своих более удачных, но запоздалых реплик и т.п. (ср. с понятием «внутренняя речь» у Выготского).

Более того, согласно Р. Коллинзу, психика каждого человека представляет собой не что иное, как *наслоение результатов прожитых цепочек из наиболее внушительных, действенных ритуалов*. Сюда попадают прочтение и обсуждения важных книг, разговоры с родителями, значимыми учителями и другими авторитетами, ритуалы включенности в семейные, дружеские, профессиональные и иные сети солидарности, участие в конфликтах, коллективных действиях и многое другое.

Фактически благодаря синтезу с теорией ритуалов интериоризация предстает как *стержень ключевых механизмов социализации и инкультурации*, значимость которых в становлении психики, личности каждого индивида трудно преувеличить.

УСТАНОВКИ И СПОСОБНОСТИ — СЛЕДСТВИЯ РИТУАЛОВ

Самым конструктивным, гибким, удобным понятием для обозначения результатов интериоризации представляется понятие «установка». С учетом социального (и в определенном смысле «культурно-исторического») генезиса этих внутренних управляющих частей сознания и поведения размывается хрестоматийное разделение «психических установок — sets» (Л. Ланге, Д.Н. Узнадзе, С.Л. Рубинштейн,

М. Рокич) и «социальных установок – attitudes» (У. Томас, Ф. Знанецкий, Г. Олпорт). Установки могут быть в какой-то мере осознанными или полностью подсознательными, устойчивыми или ситуативными, вообще могут быть очень по-разному типологизированы, однако механизм формирования их один: через интериоризацию в ритуальных действиях⁴.

Способности в этом плане предстают как операциональные, «технологические» дополнения и средства установок. Например, владение определенным языком включает как установку человека (настрой, склонность, готовность) говорить на нем, понимать его, так и соответствующие весьма сложные речевые способности. Если для настроя может быть достаточно даже одного особенно впечатляющего ритуала («теперь обязательно буду учить китайский язык!»), то способность обретается лишь благодаря множеству обучающих действий и взаимодействий, эпизодов разговорной практики, которые на самом деле также являются ритуалами, пусть малыми и усеченными, но способствующими интериоризации и внутреннему накоплению, освоению языковых структур.

⁴ Сам Д. Н. Узнадзе призывал к изучению генезиса установок (Петровский, 2010, с. 34). Показательна череда благонамеренных попыток отечественных психологов вывести установки из деятельности. Успехи в этом направлении, мягко говоря, остаются довольно скромными. Там же, где достигнуто реальное продвижение (например: Асмолов, 2002), непременно идет речь об «интерсубъектном угле зрения», о формировании личности из «целостности отношений», об «открыто-диалогическом общении», о «социальной технологии взаимоотношений», о «смене позиций в социальных ситуациях» и производности от них «смысловых образований» и «личностных смыслов», об эмоциональной вовлеченности, о «значащих переживаниях», значимых символах, ценностях, святынях и т.п., – иными словами, о главных компонентах интерактивного ритуала по Э. Дюркгейму, Э. Гофману и Р. Коллинзу.

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ПОДКРЕПЛЕНИЯ, ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ЭНЕРГИЯ И НОРМАТИВНОСТЬ

Факторы успешности освоения внешних структур, в частности, в обучении, – хорошо изученная тема в концепции оперантного обусловливания, начиная с работ Э. Торндайка (Скиннер, 1986; Купер, Херон, Хьюард, 2016). Нужно только уточнить, что уже в предритуалах антропоидов положительное подкрепление не ограничивается лакомством, как у дрессируемых животных, или сиюминутным доступом к самке за победу в схватке с соперником в период гона у многих травоядных. Важными мотиваторами для антропоидов и весьма значимыми для нас являются чувства, эмоции, причем обычно связанные с уровнем социального, группового членства, отношением со стороны значимых окружающих. Такими подкреплениями являются: одобрение, знаки уважения, признание достоинств и заслуг, почести, причастность к сообществу, восхищенные взгляды, нежность, ощущение единства, дружбы и т.п.

В концепции Р. Коллинза в успешных ритуалах вырабатывается *эмоциональная энергия*, которая наполняет участников, дает им чувство победительной правоты – «моральную силу» по Э. Дюркгейму, но и мощный волевой ресурс для последующего преодоления препятствий, для тяжелого или нудного труда, например, в том же обучении чужому языку. Ребенок же в ранние годы легко усваивает родной язык не только благодаря особой готовности нейронных структур в этом возрасте, но и благодаря тому, что доброжелательные поправки, улыбки, родительское одобрение каждому правильно сказанному слову, построенному предложению являются микроритуалами с эмоциональным положительным подкреплением обретаемой ребенком способности.

Господство стандартизации в любом языке, которое мы ощущаем, слыша речь

с сильным акцентом или «неграмотную», объясняется *сложившейся гипертрофированной нормативностью* в речевых практиках (не говоря уж о письменном языке) и во внутренних установках, в способностях «правильно» говорить. Социальный успех и почитание ярких ораторов, насмешки над «коверкающими язык», и почти универсальное нежелание прослыть «косноязычными» — все это указывает на могучие ритуальные механизмы поддержания языковой нормативности (особенно стандартов «правильного» произношения слов).

Весьма перспективна идея *культурного драйва* (Laland, 2017), согласно которой не случайные генные мутации играют роль главных движителей антропогенеза, развития языка и сознания, а вполне закономерные обновления социальных порядков. В сердцевине последних находятся *культурные образцы* (Крёбер, 2004) — те самые единицы межпоколенной трансляции, среди которых центральное положение занимают значения и знаки языка, комплексирующие их смыслы: от бытовых, технологических до моральных и мировоззренческих.

Обретаемые участниками ритуалов образцы и подкрепляемые соответствующие установки, способности, которые могут быть использованы в следующих ритуалах, составляют *культурный капитал* — второй после эмоциональной энергии базовый компонент в концепции ритуалов по Р. Коллинзу. Знание слов, их значений, умения распознавать и производить высказывания — центральная часть культурного капитала почти во всех сферах человеческой жизнедеятельности.

ПРИЧИНЫ СОЕДИНЕНИЯ ЗНАКОВОГО ОБЩЕНИЯ С МЫШЛЕНИЕМ: ДОСТАТОЧНО ЛИ БЫЛО ОРУДИЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ?

В 4-й главе «Мышления и речи» Л. С. Выготский придает большое значение наблюдению В. Кёлера о разрыве между знаковым общением шимпанзе и их

способностями к практическому мышлению (Выготский, 2005, с. 746, 757)⁵. Для решения проблемы «языкового Рубикона» — обретения гоминидами членораздельной осмысленной речи — условия и причины такого соединения имеют первостепенное значение.

В коммуникации между животными, в том числе ближайшими к человеку шимпанзе и бонобо, простые смыслы сигналов (появление опасного хищника, угроза, согласие подчиниться, приглашение играть, дружить, стать половым партнером и т.д.) передаются простыми звуками. Следует полагать, что у нашего общего предка был примерно такой же уровень развития знаковой системы, иначе пришлось бы считать способы общения шимпанзе и бонобо изрядно деградировавшими, для чего нет никаких оснований.

Способность к производству сложных речевых действий могла появиться у гоминид вследствие появления забот передачи более сложных смыслов. Все ученые, следующие в русле классической идеи Ф. Энгельса «труд создал человека», не видят тут никакой трудности. Действительно, поскольку стали сложнее орудия, появилась потребность что-то сообщать о них, поэтому и речь стала более сложной, членораздельной. Иными словами, в этой концепции преодоление «языкового Рубикона» совпадает с эпохальным соединением знакового общения и практического мышления, ну а дальше будто бы вполне естественно и беспрепятственно рос разум, ведомый единством труда и языка.

Для принятия этой простой версии, сколь бы привычной она не была, есть существенные возражения. Укажу только, что обезьянам, прилежно учащим отпрысков пользоваться орудиями (раскалывать орехи, панцири моллюсков камнем, подкладывая

⁵ Выготский отмечает такой же разрыв на ранней стадии онтогенеза с последующим соединением, что, по всей видимости, является не случайным сходством (Выготский, 2005, с. 757).

вниз «наковальню», соломинкой тыкать в муравейник, чтобы облизывать сок и т.д.) вполне достаточно надежного ефрейторского метода «делай как я». Этот способ вполне сгодился бы и для обучения раскалывать камни в целях получения примитивных рубил. Вот изготовление более сложных орудий, начиная с ашельских, действительно требует речевых пояснений, как показали эксперименты (Laland, 2017, с. 201–207).

Общение посредством звуков, жестов, поз, мимики у животных используется в социальной сфере: при установлении, поддержании, выяснении отношений между собой. Почему вдруг этот канал коммуникации стал применяться в обучении изготовления орудий, тут же начав развиваться в сторону членораздельности и осмысленности, остается непонятным.

Кроме того, звуковое обучение предполагает наличие определенных задатков и способностей, связанных с отдачей звуковых команд, их понимания и подчинения им, при необходимом и отнюдь не очевидном соединении действий, качеств, признаков используемого сырья с издаваемыми звуками, при этом требуется долгое совместное удержание внимания на звуках и действиях. То, что нам кажется простым и естественным и что действительно с удивительной готовностью схватывают и впитывают дети, отнюдь не было таким, когда якобы при отсутствии членораздельной речи гоминиды стали изготавливать уже вполне человеческие орудия. Ведь главные способности человека, в том числе сама речь, согласно энгельсовской модели, появилась лишь благодаря «труду».

**СОВМЕСТНАЯ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ,
МОРАЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ
И НОРМАТИВНОСТЬ – ПРИЧИНЫ
ПРЕОДОЛЕНИЯ «ЯЗЫКОВОГО РУБИКОНА»**

Социальным и психологическим условиям происхождения членораздельной речи

посвящена огромная литература. Здесь будут кратко зафиксированы и увязаны между собой только наиболее правдоподобные и обоснованные (увы, только теоретическими принципами и косвенными данными) версии.

При спуске на землю ранние гоминиды попали в высококонкурентную нишу падальщиков, с необходимостью держаться вместе для защиты от грозных хищников, приносить пищу издалека оставшимся с детьми на стоянке. В результате жесткого отбора выживали только те группы, где прежний порядок доминирования альфа-самцов сменился доминированием *относительно эгалитарных групп*, чему способствовали долгие процессы *самоодомашнивания* как во внешнем облике (пропали большие клыки, челюсти, уменьшались черепные гребни и валики), так и в социальном поведении (Беляев, 1981; Бикертон, 2012; Bingham, 2010).

Вначале появилась, «совместная интенциональность» – непосредственное эмоциональное приобщение к общему действию и настроению с удержанием общего фокуса внимания (Tomasello, 2019, с. 305). Общее внимание было направлено прежде всего на нарушителей мирной жизни и их агрессивные действия, на тех, кто не делился едой. Члены доминирующей коалиции дружно демонстрировали мимикой, позами, определенными звуковыми сигналами угрозу, выражали общую эмоцию неодобрения. Солидарное и полезное для группы поведение (щедрость в дележе, защита слабых, обустройство стоянки, изготовление удобного орудия), напротив, поощрялось.

Фактически самоодомашнивание сопровождалось и *самодрессурой*, причем стандартные звуковые сигналы, означавшие неодобрение или одобрение, через интериоризацию получали свою регулирующую индивидуальное поведение силу. Групповой контроль со временем стал обеспечиваться мягкими, но отлично распознаваемыми знаками одобрения

(улыбки, похлопывания) и неодобрения (насмешки, сердитое лицо, презрительные взгляды), которые до сих пор используют во всех человеческих сообществах.

Со значением нормативных сигналов крепко в психике каждого связывалась нормативная установка: следовать правилу. Самодрессура превратилась в *нормативный ритуал*, когда такие установки стали формироваться уже без множественных повторов, а для новых одобряемых и неодобряемых действий стали появляться новые звуковые сигналы — *протослова*.

Так появился важнейший для всей последующей человеческой эволюции феномен *нормативности*, объединяющий *практику группового контроля* (нормативные ритуалы), *интериоризованные установки следования правилам* (или хотя бы сокрытия их нарушения), а также новые *моральные эмоции* стыда и гордости (Stringer, 2012; Tomasello, 2019, с. 305; Розов, 2022, с. 79–106).

По своему внешнему выражению (потупившийся взгляд, опущенные голова и плечи, сторбленность) *стыд* родствен более древнему переживанию подчиненности. Стыд является более сложным, надстроечным чувством, поскольку включает признание не только своего провала и слабости, но также определенного *нарушения* и понимания того, что значимым окружающим (солидарной доминирующей коалиции) это нарушение известно. *Гордость*, сходным образом выражаемая людьми, андроидами и, вероятно, древними гоминидами (прямая поза, поднятая голова, расправленные плечи, прямой взгляд, горящие глаза) означает уже не столько победу в схватке и силовое преимущество, сколько ту самую «моральную силу» по Э. Дюркгейму — чувство правомерности своего поведения, оправданность своего высокого социального членства в группе — престижа (Дарвин, 2001; Fessler, 2007, с. 176).

Доминирование эгалитарных коалиций и нормативность привели к появлению членораздельной речи, дальнейшему

усложнению языка пятью (как минимум) причинными руслами.

Во-первых, появилась коммуникативная забота со стороны коалиции сообщать, а со стороны индивида распознавать, что именно не одобряется. Нормативность стала *волшебной палочкой* — особенно гибкой структурой с большим потенциалом модификаций, многофункциональности. Именно нормативность стала базовой структурой порождения всех последующих *социальных порядков и институтов*. Для обозначения новых правил нужны были отличающиеся друг от друга сигналы; это достигалось различием слогов, потом фонем, что стало лексической *волшебной палочкой* — механизмом порождения множества протослов, а затем и полноценных слов (Розов, 2022, с. 131–133).

Во-вторых, установки нормативности, способности выполнять и контролировать выполнение правил послужили основой для *артикуляционной стандартизации*, без которой невозможно распознавание сказанного (см. выше).

В-третьих, порядок доминирования эгалитарных коалиций при отсутствии альфа-самцов требовал выработки, согласования общих решений, т.е. появилась совершенно новая коммуникативная забота *убеждения*, предполагающая *взаимопонимание*, а здесь уже только мимикой и жестами нельзя было обойтись (Там же, с. 149–158).

В-четвертых, кажущийся «естественным» *порядок очередности выступлений*, когда один говорит, а остальные молчат, является особой нормой, которая была выработана и закреплена, вероятно, переносом правила строгой очередности доступа к пище при совместных трапезах (Там же, с. 173–176).

В-пятых, нормативный запрет на насилие, а также разнообразные нормы принадлежности вещей, паттерны сексуальных отношений (добровольность партнеров, родительская воля, брачные правила) привели к росту особых коммуникативных забот соблазнения, кокетства, переговоров (Там же, с. 124–126).

ПОЧЕМУ РЕЧЬ ПОЯВИЛАСЬ РАНЬШЕ СЛОЖНЫХ ОРУДИЙ

Долго и упорно трудиться над ценным орудием, которое уже не отбрасывалось, а хранилось для многократного использования, можно было только тогда, когда уверен, что его не отберут. Но ведь это значит, что уже существовали групповые нормы!

Отнюдь не из каждого камня можно изготовить острое лезвие, значит группам были известны места с ценным сырьем. Его запасы было необходимо восполнять, поскольку каменные орудия портились и требовали замены. Иными словами, сама орудийная технология изначально была не индивидуальным делом, а групповой практикой с достаточно высоким уровнем солидарности, взаимопонимания, способности к планированию и координации совместных действий.

Все это предполагает уровень знакового общения, превосходивший синкретичные сигналы животных. Так как речевые способности с произнесением членораздельных звуков — стандартизованных протослов — предполагали нормативность и развивались вместе с ней, то по всем признакам «языковой Рубикон» был перейден задолго до начала изготовления сложных орудий.

Речь как *волшебная палочка* стала применяться для общения в самых разных сферах групповой жизни, поскольку везде шло социальное взаимодействие и возникали коммуникативные заботы. Когда в своей логике стали усложняться орудийные технологии, протослова начали применяться и к орудиям, их принадлежности, качеству, а потом уже — к аспектам сырья, операциям изготовления, обучения мастерству и т.д.

ПОЯВЛЕНИЕ СОЗНАНИЯ

Трудности реконструкции ступеней происхождения и развития сознания обусловлены не только крайней сложностью этого явления, но также отсутствием даже

намёков на научный и философский консенсус относительно природы сознания (Ревонсуо, 2013). Подобно тому, как о психической регуляции поведением удобно и конструктивно рассуждать в терминах множественных установок, сознание, при исследовании его генезиса, следует представлять как наложение особых *когнитивных способностей*, причем последующие используют предыдущие в качестве своих ингредиентов.

Изначальная («нулевая») стадия развития сознания совпадает с непосредственным полем внимания. Выход за его пределы возможен *только благодаря языковому закреплению предметов внимания* (Donald, 1998; Fessler, 2007; Gabora, Smith, 2018). Поэтому в антропогенезе следует предполагать соответствие между ступенями развития сознания и ступенями развития языка, что происходит и в онтогенезе — в когнитивном развитии каждого ребенка.

В числе первых свойств сознания были:

- способность фокусировать внимание на эмоционально значимых неодобряемых или одобряемых группой действиях соплеменников в наличной ситуации (изначально — в нормативных ритуалах);
- способность выделять, различать отношения принадлежности, следовать соответствующим правилам доступа как к благам и ресурсам (вкусной еде, орудиям, местам), так и к соплеменникам (особенно в сексуальной сфере);
- способность выделять более сложные и разнообразные правила, распознавать чужие и свои действия, подпадающие под них; испытывать стыд, гордость, гнев, уважение при сопоставлении действий с нормами, моральными установками;
- способность фиксировать внимание на «завтра» и «вчера», а затем удерживать внимание на сменяющихся днях, ориентироваться в них (вероятно, в связи с необходимостью поддерживать огонь, заготавливать топливо).

В изложенных представлениях остается множество лакун, в том числе принципиального характера. Что было двигателем обновления самих социальных порядков и соответствующих коммуникативных забот? Каковы были последующие ступени развития речи, усложнения языка как структур, обеспечивавших эти заботы? Была ли когнитивная эволюция в антропогенезе полностью подчинена принципу адаптации, восстановления гомеостаза, «постулату сообразности»? Если имели место «надситуативная активность» (Петровский, 2010) и творческая «преадаптация к неопределенности» (Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2017), то как объяснить их возникновение на эволюционной основе? Эти вопросы требуют специального исследования и будут обсуждаться в следующей статье.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье обсуждается возможность соединения культурно-исторического подхода с концепциями интерактивных ритуалов, оперантного обусловливания, социологии и психологии и установок. Для объяснения ранних этапов социальной и когнитивной эволюции гоминид привлекаются модели коэволюции коммуникативных забот и знаковых структур, объединенные с расширенным культурно-историческим подходом. Показано, что сама по себе орудийная деятельность не была достаточной для появления и развития речи, а ее влияние было опосредовано социальными отношениями. Изготовление сложных ценных орудий предполагало планирование и координацию действий по добыче сырья, необходимость социального обучения мастерству. В результате жесткого отбора в группах гоминид появились нормативные ритуалы и правила поведения, моральные установки, чувства стыда и гордости. Показано, как эти факторы позволили гоминидам перейти от знаковой системы животных к членораздельной

речи. Постепенно гоминиды стали все более точно различать слоги и звуки, что дало возможность умножения протослов. Так была запущена коэволюция коммуникативных забот и знаковых структур. Перечислены самые ранние способности сознания, которые закономерно формировались в неразрывной связи с первыми ступенями развития речи.

1. *Асмолов А.Г.* По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002.
2. *Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М.* Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции // *Вопр. психол.* 2017. № 4. С. 3–26.
3. *Барулин А.Н.* К построению теории глоттогенеза // *Лингвистическая компаративистика в культурном и историческом аспекте: Мат-лы V Междунар. научн. конф. по сравнительно-историческому языкознанию (Москва. 31 января – 2 февраля 2006 г.) / Отв. ред. В.А. Кочергина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. С. 9–44.*
4. *Беляев Д.К.* О некоторых факторах эволюции гоминид // *Вопр. филос.* 1981. № 8. С. 69–77.
5. *Бикертон Д.* Язык Адама: как люди создали язык, как язык создал людей. М.: Языки славянской культуры, 2012.
6. *Выготский Л.С.* История развития высших психических функций // *Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. М.: Педагогика, 1983. С. 5–328.*
7. *Выготский Л.С.* Психология развития человека. М.: Смысл; Эксмо, 2005.
8. *Дарвин Ч.* О выражении эмоций у человека и животных. СПб.: Питер, 2001.
9. *Коллинз Р.* Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.
10. *Крёбер А.Л.* Избранное: Природа культуры. М.: РОССПЭН, 2004.
11. *Купер Дж.О., Херон Т.Э., Хьюард У.Л.* Прикладной анализ поведения. М.: Практика, 2016.
12. *Лурия А.Р.* Язык и сознание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.
13. *Петровский В.А.* Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010.
14. *Ревонсуо А.* Психология сознания. СПб.: Питер, 2013.
15. *Розов Н.С.* Ритуалы, институты и ресурсы: социальные основы трансформации менталитета // *Ценности и смыслы.* 2010. № 1 (18). С. 50–67.

16. *Розов Н.С.* Происхождение языка и сознания. Как социальные порядки и коммуникативные заботы порождали когнитивные и речевые способности. Новосибирск: Манускрипт, 2022.
 17. *Скиннер Б.Ф.* Оперантное поведение // Истоки зарубежной психологии (30–60-е годы XX в.): Тексты / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. С. 60–95.
 18. *Томаселло М.* Истоки человеческого общения. М.: Языки славянских культур, 2011.
 19. *Bingham P.* On the evolution of language: implications of a new and general theory of human origins, properties, and history // Larson R.K., Déprez V., Yamakido H. (eds). The evolution of human language: Biolinguistic perspectives. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010. P. 211–224.
 20. *Collins R.* Interaction ritual chains. Princeton: Princeton Univ. Press, 2004.
 21. *Donald M.* Hominid enculturation and cognitive evolution // Renfrew C., Scarre C. (eds). Cognition and material culture: The archaeology of symbolic storage. Cambridge: McDonald Institute, 1998. P. 7–17.
 22. *Dor D., Jablonka E.* Why we need to move from gene-culture co-evolution to culturally driven co-evolution // Dor D., Knight Chr., Lewis J. (eds). The social origins of language. Oxford: Oxford Univ. Press, 2014. P. 15–30.
 23. *Fessler D.M.T.* From appeasement to conformity: Evolutionary and cultural perspectives on shame, competition, and cooperation // Tracy J.L. Robins R.W., Tangney J.P. (eds). The self-conscious emotions: Theory and research. N.Y.: Guilford Press, 2007. P. 174–193.
 24. *Gabora L., Smith C. M.* Two cognitive transitions underlying the capacity for cultural evolution // J. Anthropological Sciences. 2018. N 96. P. 1–26.
 25. *Jackendoff R.* Foundations of language: Brain, meaning, grammar, evolution. Oxford, N.Y.: Oxford Univ. Press, 2002.
 26. *Laland K. N.* Darwin's unfinished symphony. How culture made the human mind. Princeton: Princeton Univ. Press, 2017.
 27. *Stringer Chr.* Lone survivors: How we came to be the only humans on earth. N.Y.: Times Books, 2012.
 28. *Tomasello M.* Becoming human a theory of ontogeny. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard Univ. Press, 2019.
 29. *Barulin A.N.* K postroeniyu teorii glottogeneza // Lingvisticheskaya komparativistika v kul'turnom i istoricheskom aspekte: Mat-ly V Mezhdunar. nauchn. konf. po sravnitel'no-istoricheskomu yazykoznaniyu (Moskva. 31yanvarya – 2 fevralya 2006 g.) / Otv. red. V.A. Kochergina. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2007. S. 9–44.
 30. *Belyaev D.K.* O nekotorykh faktorakh evolyutsii gominid // Vopr. filos. 1981. N 8. S. 69–77.
 31. *Bikerton D.* Yazyk Adama: kak lyudi sozdali yazyk, kak yazyk sozdal lyudej. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2012.
 32. *Vygotsky L.S.* Istoriya razvitiya vysshih psikhicheskikh funktsij // Vygotsky L.S. Sobr. soch.: V 6 t. T. 3. M.: Pedagogika, 1983. S. 5–328.
 33. *Vygotsky L. S.* Psikhologiya razvitiya cheloveka. M.: Smysl; Eksmo, 2005.
 34. Darwin Ch. O vyrazhenii emotsij u cheloveka i zhivotnykh. SPb.: Piter, 2001.
 35. *Collins R.* Sotsiologiya filosofij. Global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya. Novosibirsk: Sibirskij khronograf, 2002.
 36. *Kroeber A.L.* Izbrannoe: Priroda kul'tury. M.: ROSSPEN, 2004.
 37. *Cooper J.O., Heron T.E., Heward W.L.* Prikladnoj analiz povedeniya [Applied behavior analysis]. M.: Praktika, 2016.
 38. *Luria A.R.* Yazyk i soznanie. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1979.
 39. *Petrovsky V.A.* Chelovek nad situatsiej. M.: Smysl, 2010.
 40. *Revonsuo A.* Psikhologiya soznaniya. SPb.: Piter, 2013.
 41. *Rozov N.S.* Ritualy, instituty i resursy: sotsial'nye osnovy transformatsii mentaliteta // Tsennosti i smysly. 2010. N1 (18). S. 50–67.
 42. *Rozov N.S.* Proiskhozhdenie yazyka i soznaniya. Kak social'nye poryadki i kommunikativnye zaboty porozhdali koognitivnye i rechevye sposobnosti. Novosibirsk: Manuskript, 2022.
 43. *Skinner B.F.* Oперantное поведение // Istoriya zarubezhnoj psikhologii (30–60-е gody XX v.): Teksty / Pod red. P.YA. Gal'perina, A.N. Zhdan. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1986. S. 60–95.
 44. *Tomasello M.* Istoki chelovecheskogo obshcheniya [Natural History of Human Thinking]. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2011.
 45. *Uznadze D.N.* Psikhologicheskie issledovaniya. M.: Nauka, 1966.
- References in Russian:**
1. *Asmolov A.G.* Po tu storonu soznaniya: metodologicheskie problemy neklassicheskoy psikhologii. M.: Smysl, 2002.
 2. *Asmolov A.G., Shekhter E.D., Chernorizov A.M.* Preadaptatsiya k neopredelennosti kak strategiya navigatsii razvivayushchikhsya sistem: marshrutnyy evolyutsii [Preadaptation to uncertainty as a strategy of developing systems navigation: The ways of evolution] // Voprosy psikhologii. 2017. N 4. S. 3–26.